

Ван Чжэнь улыбнулся — его улыбка наполнилась таким искренним счастьем, что весь он будто озарился светлой радостью. Нежно и ласково он спросил:

— Ты наелся?

Тан Шэнь опешил и поднял на него взгляд. Помолчав немного, он ответил:

— Наелся.

Ван Чжэнь взял его за руку и повел по извилистому коридору с множеством поворотов. Они шли над колышущейся лазурной гладью пруда и, миновав причудливый дырчатый камень, подошли к домику у самой воды. Половина этого строения возвышалась прямо над прудом, и стоило распахнуть окно, как взору открывалась бескрайняя синева, сливающаяся с небом.

У окна стоял длинный письменный стол, уставленный всевозможными кистями, тушью, бумагой и тушечницами.

Ван Чжэнь, не выпуская руки Тан Шэня, подвел его к столу. Он заботливо разгладил лист рисовой бумаги и принялся растирать тушь.

— Младший соратник, назовешь его?

Тан Шэнь долго смотрел на него, затем повернул голову и взглянул через окно на живописный, изрезанный трещинами камень Тайху.

Спустя долгое время он поднял кисть и вывел два иероглифа.

«Вэньюй».

Почерку его учил сам Ван Цзыфэн. И хотя Тан Шэнь со временем обрел собственный дух и выправку, в самой глубине каждой линии все равно угадывался почерк Ван Цзыфэна.

Ван Чжэнь при виде этих двух иероглифов испытал глубокое потрясение. Рука, растиравшая тушь, замерла. Он поднял глаза и спросил:

— Откуда взялись эти слова — «Вэньюй»?

Тан Шэнь смотрел на него и проговаривал слово за словом:

— «Думаю о благородном муже, мягком и чистом, словно нефрит. В его бревенчатом доме... он смятенным делает мое сердце».

Ван Чжэнь сделал шаг вперед и крепко обнял его. Заключив Тан Шэня в объятия, он произнес тихим, мягким голосом, напоминавшим весенний вечерний ветерок, шуршащий в траве:

— Неужели ты пришел сюда сразу после службы и до сих пор не снял чиновничий халат?

Тан Шэнь ответил:

— Старший соратник прислал мне веточку пиона, и я подумал, что ты хочешь сказать мне нечто важное.

Ван Чжэнь тихонько рассмеялся:

— Чиновничий халат не слишком удобен. Не позволишь ли мне помочь младшему соратнику разоблачиться?

Пальцы Тан Шэня сжались, он молчал, не произнося ни слова. Ван Чжэнь взял его за руку и подвел к кровати. Он развязал пояс Тан Шэня и снял с него темно-красный чиновничий халат. Но когда его пальцы касались исподней рубахи, Тан Шэнь перехватил его руку.

Ван Чжэнь поднял на него взгляд.

— В моем сердце множество забот — о старшем соратнике, о множестве других людей...

Ван Чжэнь нежно поцеловал его:

— А в моем сердце — лишь ты один.

Тан Шэнь ошеломленно смотрел на Ван Чжэня и бессознательно разжал пальцы, удерживавшие руку собеседника.

За окном журчала вода в пруду, ветер влетал в бамбуковый домик, шевеля упавшую на пол одежду. Полог кровати Ван Чжэнь опустил еще заранее, и всю ночь в домике не стихали тихие мелодии, полные величайшей радости и наслаждения.

На следующий день еще до рассвета управляющий Резиденции министра стоял у дверей, держа в руках парадное одеяние Ван Чжэня для утренней аудиенции. Ван Чжэнь бесшумно поднялся с постели, но Тан Шэнь мгновенно очнулся ото сна. Он хотел было встать, однако резкая боль пронзила поясницу. Тан Шэнь болезненно зашипел: ночью ничего толком не болело, а к утру боль проявилась во всей красе.

Ван Чжэнь прижал его за плечи обратно к подушке:

— Отдыхай. Сегодня я попрошу за тебя об освобождении от службы.

Тан Шэнь все еще пребывал в полусне и решил, что это обычная просьба к коллеге прикрыть его на работе. Не задумываясь слишком глубоко, он кивнул и снова погрузился в сон.

Ван Чжэнь облачился в парадное одеяние и незамедлительно отправился на утренний прием.

Когда Ван Цзыфэн прибыл во дворец Чунчжэн, никто поначалу не заметил ничего необычного. Но затем он подошел к распорядительному евнуху и произнес:

— Господин Тан недомогает и сегодня не сможет присутствовать на утренней аудиенции.

Стоило этим словам прозвучать, как Правый канцлер Ван Цюань первым бросил взгляд на Ван Чжэня. Прочие сановники еще ничего не поняли, и лишь Левый канцлер Цзи Вэнцзи краем уха уловил эту фразу. Поразмыслив мгновение, он тихо изумился: «Неужели вот так?» Вскоре и вице-канцлер Сюй Би кое-что осознал.

Обычный человек ни за что не усмотрел бы в столь простой фразе глубокого смысла. Лишь эти немногие старые и хитрые сановники, давно догадывавшиеся о пристрастиях Ван Чжэня, смогли разглядеть скрытую подоплеку.

Эта весть пронеслась, словно ветерок по поверхности озера, подняв легкую зыбь, но вскоре все снова улеглось. Большинство присутствующих ничего не заметили.

Однако Император Кайпин Чжао Фу был не из тех, кого легко обмануть. На утренней аудиенции Ван Чжэнь, получив повышение до первого ранга, стоял ближе к престолу, и Чжао Фу мог четко видеть каждое его движение. В душе император немало удивился и, когда аудиенция окончилась, спросил у великого евнуха Цзи Фу:

— Посмотри-ка на Ван Цзыфэна. Сегодня он выглядит так, будто светится от счастья. Совсем не так, как обычно.

Цзи Фу подумал про себя: «Не так? Да что тут иного, выглядит ровно так же, как всегда».

Но Цзи Фу проявил предусмотрительность и расспросил слуг о том, что делал сегодня Ван Цзыфэн и не было ли в его поступках чего-то необычного. В итоге он узнал, что тот попросил отгул для Тан Шэня. Сам Цзи Фу не додумался бы до скрытого смысла, поэтому просто и честно обо всем доложил Чжао Фу. Чжао Фу, услышав это, надолго застыл в оцепенении и лишь спустя какое-то время промолвил:

— Надо же, даже Я не сразу догадался?

Лишь когда солнце поднялось высоко над горизонтом, Тан Шэнь наконец проснулся.

В комнате уже лежала приготовленная чистая одежда, а сам он чувствовал себя свежим и умытым. Тан Шэнь ненадолго задумался и внезапно осознал, что прошлым вечером Ван Чжэнь лично обтер его дочиста. Лицо его мгновенно вспыхнуло розоватым румянцем. Быстро одевшись, он поспешил в Цензорат.

Едва Тан Шэнь добрался до Цензората, как стражник у ворот, увидав его, удивился:

— Господин Тан, разве вы не взяли сегодня освобождение от службы?

Оглушенный мыслями мозг Тан Шэня снова заработал, и он вспомнил слова, сказанные ему утором Ван Чжэнем.

У Тан Шэня мгновенно потемнело в глазах.

«Ван... Цзы... фэн!!!»

Раз уж отгул уже был получен, Тан Шэнь в своем мятом чиновничьем халате в полном смятении сбежал домой.

Яо Сань пару дней назад отправился в Нинчжоу, чтобы заняться перевозкой товаров для Павильона Чжэньбао, поэтому дома оставались только Тан Хуан и Тётушка Яо. Увидев Тан Шэня, обе немало удивились. Тан Хуан спросила:

— Брат, тебе сегодня не нужно на службу в управу? — Она немного подумала. — Вроде бы сегодня не день отдыха?

Тан Шэнь отмахнулся невнятной отговоркой:

— Сегодня появились дела, вот я и вернулся пораньше.

Однако, сделав пару шагов, он вдруг обернулся:

— И вас ничуть не удивляет, почему я не ночевал дома?

Тан Хуан со смешком переспросила:

— А чему удивляться? Вчера днем господин министр прислал к нам человека с вестью, что вы пропустите по чашечке вина в Резиденции министра и, скорее всего, останетесь ночевать там. Брат, ты ведь не в первый раз ночуешь в Резиденции министра, что тут странного?

Тан Шэнь: — ...

Вернувшись в кабинет, Тан Шэнь гневно пробормотал:

— Ну хорош же ты, Ван Цзыфэн! Оказывается, всё спланировал заранее!

Тан Шэнь невольно прижал ладонь ко лбу и тяжело вздохнул. Ему казалось, что за всю свою жизнь ему уже никогда не перехитрит Ван Цзыфэна, но, на свою беду, остаток дней он уже связал именно с ним. В душе даже вспыхнула легкая тень раскаяния — интересно, не поздно ли еще идти на попятный...

Поздно или нет, Тан Шэнь не знал, но в одном можно было не сомневаться: подобного шанса ему никто бы не дал.

В тот момент Тан Шэнь еще не догадывался, что об их связи с Ван Чжэнем уже прознали ключевые сановники при дворе. На следующее утро он отправился на утренний прием. Едва аудиенция завершилась, как к нему подошел великий евнух Цзи Фу. Ван Чжэня в этот момент завел разговор Правый канцлер Ван Цюань. Издали увидав, что Тан Шэня уводит Цзи Фу, он многозначительно улыбнулся.

Ван Цюань, заметив это, проследил за удаляющимся силуэтом Тан Шэня и сразу всё понял:

— Беспокоишься?

Ван Чжэнь с изумлением спросил:

— О чем беспокоиться?

Ван Цюань произнес:

— Государь не стал бы без причины вызывать Тан Цзинцзэ во Дворец Чуйгун. Ты вчера во всеуслышание попросил за него отгул, и я уже обо всем догадался. Если Государь решит расспросить кого-нибудь, то наверняка поймет. Не боишься, что при встрече с Императором он запутается в словах и наведет на себя гнев?

Ван Чжэнь безмятежно улыбнулся и спросил в ответ:

— Как думает двоюродный дед, за что именно я его люблю?

— О, и за что же?

— Ему никогда не требуется мое беспокойство. Он — Тан Цзинцзэ. И его нынешнее положение достигнуто вовсе не благодаря опирению на меня.

Ван Цюань застыл, не найдя, что ответить.

Тем временем Тан Шэня привели во Дворец Чуйгун. По дороге он перебрал в уме множество вариантов, но так и не понял, зачем Чжао Фу вызвал его. Может быть, появилось новое

поручение и Чжао Фу хочет отправить его на исполнение? С наибольшей вероятностью это могло быть связано с Приказом серебряных ассигнаций или же с действиями второго принца Чжао Шана в управе Гусу — не затронул ли Чжао Шан Военно-серебряный банк?

Войдя во Дворец Чуйгун, Тан Шэнь отвесил поклон и замер, опустив голову. Вопреки ожиданиям, Чжао Фу не спешил начинать разговор, а лишь с улыбкой разглядывал его.

Цзи Фу, стоявший подле, дивился про себя.

С тех пор как скончалась Вдовствующая императрица, император редко пребывал в столь хорошем расположении духа. В этой обстановке Чжао Фу будто вернулся на год назад: в нем снова пробивалась жизненная сила, он больше не проводил целые дни за прослушиванием буддийских сутр, которые зачитывал монах Шаньтин, монотонно стуча в деревянную рыбу и наводя на всех тоску.

Тан Шэнь чувствовал на себе пристальный взгляд Чжао Фу. В душе росло недоумение: он не понимал, чем провинился или отличился, что император призвал его к себе. Но пока Чжао Фу молчал, он сам не смел подать голоса.

Спустя долгое время раздался неспешный голос Чжао Фу:

— Насколько Я помню, Цзинцзэ в этом году исполнилось двадцать?

Тан Шэнь ответил:

— Так и есть.

— Тебе уже двадцать, отчего же ты до сих пор не обзавелся семьей?

Сердце Тан Шэня болезненно екнуло. В его голове промелькнула одна догадка, но он не дерзнул размышлять о ней дальше.

<http://bllate.org/book/18292/1757470>